

Екатерина Мельникова

Заметки на полях этнографии выборов

На фоне всплеска научного внимания к волне гражданского активизма в преддверии выборов и после их проведения¹ сам день выборов практически не вызвал научного интереса в академическом сообществе. Отчасти это явление объясняется тем, что академический интерес служит формой поддержки протестных движений. Академическая среда, в которой волна массовых гражданских выступлений определяется как предмет аналитического исследования, — это не академическая среда вообще, а вполне определенная, либерально ориентированная среда. Никаких признаков интереса к этим социальным движениям в консервативных научных кругах мы не обнаружим. Выборы же крайне плохо вписываются в формат *identity discipline*, научной области, объединяющей специалистов, ассоциирующих себя с предметом

Екатерина Александровна

Мельникова

Музей антропологии и этнографии
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург
melek@eu.spb.ru

¹ Протестному движению был посвящен специальный раздел электронного выпуска журнала «Антропологический форум» «Протестные митинги в декабре 2011 г.: опыт оперативного исследования» (АФ. 2012. № 16 Online). Темой ежегодной отчетной конференции факультета политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге «Большие ПНИСии» стала «Волна политической мобилизации в России 2011–2012 гг. — анализ и прогноз». Конференция «Революции и протестные движения: история и современность» прошла в марте 2012 г. на факультете свободных искусств и наук СПбГУ (Смольный институт). В Высшей школе экономики (Москва) прошло расширенное заседание Научного совета ВЦИОМ, посвященное политическому протестному движению в Москве в 2011–2012 гг. Совместно с Аналитическим центром Юрия Левады общество «Мемориал» провело семинар «Перспективы гражданского общества и проблемы гражданской солидарности в России». С конца января 2012 г. там же проходят круглые столы на тему «Культура протеста: Язык, формы, символы».

изучения. И в самом деле, довольно сложно быть или не быть приверженцем выборов. Выборы просто есть. Так же как есть деревья, комары и смена времен года.

Ситуация, впрочем, несколько сложнее. Сопоставляя массовые протестные акции как предмет изучения и выборы как почти отсутствующий предмет того же рода, можно обнаружить, что гражданский активизм практически моментально был интерпретирован как научная проблема. Протестное движение было непредсказуемо, что само по себе уже определяло его «проблемность». Выборы же не только предсказуемы, но и рутинны. Их форма задана множеством инструкций, дата их проведения заранее известна¹, потенциальные участники также понятны. В отличие от протестного движения, которое для России остается явлением чрезвычайно редким, выборы не уникальны и для большинства участников вполне привычны.

Именно в рамках антропологии и социологии повседневности могла бы состояться проблематизация выборов. И она действительно состоялась именно в этом контексте, однако случай такого анализа (о нем ниже) скорее исключительный. В целом же выборы как определенное локализованное во времени и пространстве событие по-прежнему выпадают из поля зрения представителей социальных наук.

Эта работа состоит из двух частей, каждая из которых представляет собой попытку понять, что такое день выборов для людей, которые в них участвуют. В первой части я рассматриваю два подхода к интерпретации дня выборов и предлагаю свои аналогии этому событию. Во второй части я разбираю собственные наблюдения за поведением участников голосования 4 марта 2012 г., пытаюсь обнаружить символическое значение действий, составляющих центральную часть выборного процесса.

Две части работы являются вполне самостоятельными. Однако только в контексте общего понимания выборов как единого символического пространства (об этом — в первой части) возможен анализ процесса его символизации и «чтения» символов (об этом — во второй). По этой простой причине две заметки, предлагаемые ниже, все-таки составляют одно целое и публикуются вместе.

¹ Я сознательно избегаю здесь и далее всех возможных форм остроумия по поводу политической стороны российской действительности. На мой взгляд, высмеивание как одна из форм репрезентации научного предмета также нуждается в изучении. В данном случае меня смущает не столько нарушение позитивистского правила нейтральности научного мнения, сколько необходимость демонстрации солидарности с тем или иным политическим лагерем, которая кажется обязательной в разговоре о современной российской политике. Я не считаю такую демонстрацию необходимой, поэтому избегаю высмеивания как одной из ее форм.

1. Выборы: ритуал и фрейм ритуала

Говоря о том, что выборы относятся к числу малоисследованных предметов, я, конечно, немного лукавила. Яркий пример обратного — четырехтомная антология «Electoral Behaviour» 2008 г., где на 1648 страницах помещены статьи последних 60 лет, посвященные различным аспектам выборов [Arzheimer, Evans 2008]. Сам этот сборник призван показать состояние дисциплины (точнее, субдисциплины, как ее определяет редактор сборника), ориентированной на изучение электорального поведения. Однако все эти работы посвящены выборам без выборов. Сам факт голосования как конкретного события выносится в этих исследованиях за скобки [Вахштайн 2011: 219]. В центре же моего внимания находится именно это локализованное во времени и пространстве событие.

Уже сославшись на Виктора Вахштайна, я теперь приведу точную цитату из его работы: «В обоих случаях¹ аксиоматически выносится за скобки сам факт голосования как конкретного, определенным образом фреймированного события» [Там же]. Самодостаточность языка фреймового анализа не позволяет рассматривать то или иное явление вне понятия фреймов. Для меня же это лишь один из возможных языков описания. Поэтому, с моей точки зрения, выборы — это событие, а перспектива их рассмотрения в качестве «фреймированного события» — не более чем перспектива.

Анализ процедуры голосования с помощью понятия фреймов включен Виктором Вахштайном в его последнюю книгу, где служит примером применения теории фреймового анализа. Попытка включить сам подход Вахштайна в историографический контекст выглядела бы в данном случае несколько нелепой. Поскольку значительная часть книги сама по себе является историографическим анализом понятия фрейма, мне кажется бессмысленным достраивание этой модели с помощью включения в нее еще и работы самого Вахштайна².

Вахштайн рассматривает три случая переключения («транспонирования») «взаимодействия на избирательном участке из фрейма голосования в иные “не-электоральные” фреймы» [Там же: 204]. Понятие «транспонирование» является ключевым для фреймового анализа. Не вдаваясь в подробности различных интерпретаций этого термина (опять же потому, что именно этому вопросу посвящена работа Вахштайна), сошлюсь на определение И. Гофмана, приведенное Вахштайном:

¹ Вахштайн апеллирует к двум политологическим моделям объяснения электорального поведения.

² Впрочем, я уверена, что когда-нибудь это будет сделано.

«Переключение (или транспонирование) представляет собой способ реинтерпретации некоторой деятельности, уже осмысленной в базовой системе фреймов (“если нет исходной схемы, то нечего переключать”); ее перевод в другую систему координат» [Гофман 2004: 104; Вахштайн 2011: 91].

Применительно к выборам «исходной схемой» оказывается «фрейм голосования», а переключение происходит в «не-электоральные» фреймы. Вахштайн рассматривает несколько таких фреймов, один из которых он называет фреймом «священнодействия» («ритуала»). Данный случай — один из примеров того, как междисциплинарные заимствования, погружаясь в исходное дисциплинарное вещество, не смешиваются с ним, составляя новый однородный напиток, а продолжают существовать в нем в качестве инородных тел. Посвящая основную часть своей книги рецепции понятия «фрейм» в социальных науках, Вахштайн использует термин «ритуал» или «священнодействие» как обозначение определенного, данного в непосредственном ощущении феномена. Между тем термин «ритуал» играет в антропологической теории такую же, если не большую, роль, как «фрейм» в социологии. О том, что такое ритуал и зачем он нужен, написаны сотни работ. И никаких финальных точек здесь еще никому не удалось поставить. Кэтрин Белл, например, начинает свою книгу о ритуале словами:

Вероятно, самым логичным было бы начать книгу, посвященную ритуалу, с введения в материал, то есть с примеров самих ритуалов, и лишь затем перейти к анализу теорий, которые объясняют, что такое ритуал и что именно он делает. На практике же такой, казалось бы, логичный ход только сбил бы нас с толку по той простой причине, что изучение ритуала, так же как и многих других явлений, как правило, не происходит таким прямым путем: от материала к теории. В большинстве случаев эксплицитные теории или имплицитные предположения заставляют ученых искать данные, подтверждающие или опровергающие их взгляды. В результате то, что считается материалом, во многом зависит от того, что думает о ритуале исследователь, от той проблемы, которую ученый пытается решить [Bell 1997: 1].

Дальше Кэтрин Белл пишет о том, что уже со времен первых охотничьих групп люди участвовали в разного рода ритуалах, но только в конце XIX в. им пришлось в голову выделить некоторый тип поведения в отдельную рубрику и назвать ее «ритуалом» [Там же]. В мои задачи не входит обзор теорий ритуалов. Я лишь хотела показать, что само использование понятия «ритуал», к сожалению, ничего не проясняет в сущности перекодирования социального взаимодействия в процессе голосования.

Однако, насколько я могу судить или по крайней мере надеяться, ключевым для интерпретации Вахштайна является не слово, а тип взаимодействия. Сам термин «ритуал» здесь не принципиален. Важно, что благодаря определенным ключам взаимодействие на пункте для голосования перекодируется его участниками в какое-то другое. И здесь мы сталкиваемся с главной трудностью.

Исходный, «электоральный фрейм» голосования, по Вахштайну, — это способ взаимодействия, предполагаемый организаторами выборов. Он определяется различными документами, предписывающими форму организации участка, действия членов комиссии и самих избирателей [Вахштайн 2011: 205–206]. Транспонированные же фреймы — это то, что происходит «на самом деле», на практике. Само это противопоставление противоречит изначальной идее анализировать фреймы в самом наблюдаемом взаимодействии, а не в текстах и нарративах [Там же: 202]. Но важнее другое: существует ли вообще «электоральный фрейм» в «наблюдаемом взаимодействии»? Позволю себе громкое заявление: нет, не существует.

Сам вопрос об исходном фрейме — это не вопрос о курице и яйце, как можно было бы подумать. Бесконечной цепочке сигнификатов и прерыванию этой цепочки как проявлению феномена нетранзитивности также посвящена значительная часть исследования Вахштайна¹. Если уж пользоваться терминами фреймового анализа, то данную проблему можно сформулировать так: какой именно фрейм транспонируется в тех случаях, которые рассматриваются Вахштайном (и во многих других, которые еще только ждут своего интерпретатора)?

Разбирая первый случай — «Голосование как священнодействие (Северная Албания)», автор указывает на следующие его особенности: «Событие волеизъявления становится экраном сильной символической проекции, ему сообщаются внятные религиозные коннотации» [Там же: 208]. Такое переключение, как пишет Вахштайн, вероятно, стало «побочным следствием самого использованного здесь ключа — *церемониала*. В процедуре голосования заложено немало элементов, подчеркивающих его торжественность и символичность. После переключения они усиливаются: ультрафиолетовая отметка на руке — уже не просто технический способ предотвратить повторное голосование. Теперь это Знак, символический маркер человека, выполнившего свой гражданский долг» [Там же].

¹ Надо сказать, что мне, человеку далекому от фреймового анализа, этот вопрос об исходном фрейме казался самым важным. Вахштайн же переходит к нему далеко не сразу, хотя объем уделенного ему внимания позволяет все-таки предположить, что этой проблеме тоже отводится существенное место в интерпретации теории фреймов.

Мне все-таки придется вернуться к понятию ритуала. Вахштайн указывает на то, что «в процедуре голосования заложено немало элементов, подчеркивающих его торжественность и символичность», однако он не считает «электоральный фрейм» ритуалом, рассматривая те его части, которые создают эффект символичности, лишь как элементы, а не конституирующие части события. То есть само событие голосования может быть воспринято в терминах ритуала, но может быть понято и как-то иначе, не вызывая никаких ассоциаций с ритуалом. Так ли это?

Представления о вторичности ритуала обсуждались А.К. Байбуриным в его работе, посвященной ритуалу в традиционной культуре. Расподобление события и ритуала, характерное для многих, даже современных исследований, определяет «представления о факультативности, необязательности ритуалов», а также взгляд на ритуал «как на некий фантастический “нарос” на реальности» [Байбурин 1993: 36]. «Между тем, — пишет А.К. Байбурин, — есть основания полагать, что характер связи между ритуалом и событием мог быть иным. Дело в том, что “раздельность” ритуала и события предполагает (или подразумевает), что человек мог бы перейти, например, во взрослое состояние и без ритуала. Однако для тех культур, в которых такой переход сопряжен с ритуалом, — это единственно возможный способ стать “взрослым” в социальном плане. Никакой альтернативы не существовало. Точно так же человек не знал другого способа заключения брака, кроме свадьбы (а, собственно, какое событие предшествует свадьбе?). Более того, человек рождался и умирал только в рамках ритуала» [Там же]. Байбурин в данном случае оперирует реалиями, далеко отстоящими от современной процедуры выборов. Однако и в нашем случае вопрос сохраняет актуальность. Возможно ли выбрать президента (парламент или даже старосту класса) вне ритуала?

Как можно догадаться, следуя логике моего рассуждения, ответ на этот вопрос должен быть негативным. Но вслед за ним возникает следующий¹. Что нам дает интерпретация исходного фрейма голосования как ритуала? Прежде чем ответить на него, я остановлюсь еще на одном примере анализа процедуры голосования. Это работа Кимберли Коулз [Coles 2004], где она анализирует материалы своих наблюдений на выборах в Боснии-Герцеговине в 1997–2000 гг.

В отличие от Виктора Вахштайна, Кимберли Коулз использует понятие «ритуал» в качестве основного инструмента своего

¹ Он-то и был задан во время обсуждения моего доклада на факультете антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге.

анализа. Более того, такая интерпретация выборов предстает в ее работе как совершенно естественная и вытекающая из всего объема антропологических теорий. «Классический антропологический взгляд на выборы, — как пишет Коулз, — и, в частности, на день голосования заключается в его интерпретации как ритуала. Такой подход позволяет определить функцию и значение выборов» [Coles 2004: 553]. И дальше: «Выборы также полностью удовлетворяют многим характеристикам и категориям ритуала и ритуализированного (ritual-like) поведения: формализм, традиционализм, строгая инвариантность и повторяемость, наличие правил, сакральный символизм, а также исполнение» [Там же: 554].

Однако такой подход, вероятно, обладает для автора малым интерпретативным потенциалом, потому что Коулз не ограничивается определением голосования как ритуала и рассматривает его как лабораторию. «Я полагаю, что выборы в меньшей степени похожи на ритуал католической мессы, а в большей — на научную лабораторию. Если католическая месса вызывает к жизни религию, лаборатории создают науку» [Там же]. Лаборатория голосования, с точки зрения автора, производит демократию. Ссылаясь на работы Б. Латупа и других представителей Science and Technology Studies, Коулз рассматривает пункты для голосования как «места, где, как и в лабораториях, делаются попытки — иногда удачные, иногда нет — получить результаты и распространить определенный тип знания» [Там же: 557].

Критика такого подхода вполне очевидна. Выборы далеко не всегда производят демократию. Само это понятие является символической категорией, вошедшей в политический дискурс англо-саксонского мира на волне постколониализма и краха социалистических режимов [Paley 2002: 473]. Выборы существуют там, где «демократия» не является неоспоримым символическим ресурсом, существовали и в те исторические эпохи, когда понятие «демократия» не было актуально.

Однако, как это часто бывает, легкость критики обманчива. Главная проблема заключается не в том, что интерпретация Кимберли Коулз неверна, а в том, что она верна лишь в некоторых случаях. Автор приводит достаточно веские доказательства тому, что «выборы» конструируются и воспринимаются как подчеркнуто аполитичное и независимое от культуры событие. «День выборов имеет отношение не только к “демократическим ценностям”, таким как толерантность, вовлеченность или участие национальных субъектов в жизни национального государства, но также касается конструирования голосования как акультурного и аполитичного события.

Формы власти и социальных отношений, которые получают распространение благодаря этой модели демократии, предстают в образе нейтральной техники, оставаясь на деле чрезвычайно социально и политически зависимыми» [Coles 2004: 557]. Среди символических средств, которые участвуют в создании подобного эффекта, автор называет запрет на агитацию в радиусе 50 м от участка, запрет (гласный и негласный) на обсуждение кандидатов. В представлении участников выборный процесс сворачивается до одного дня: подсчет голосов, согласно инструкциям, должен начаться немедленно после закрытия участка и проходить без остановок и пауз¹ — несмотря на то что работа, связанная с организацией, проведением выборов и последующей обработкой результатов, занимает на практике гораздо больше времени. Все это создает эффект «демократичных», максимально независимых от существующей политической и социальной реальности выборов.

В данном случае важен не столько вопрос о том, кем создается этот эффект, — в работе Коулз, так же как и в исследовании Вахштайна, содержится отказ от анализа конкуренции за различные смыслы события, приписываемые ему отдельными группами участников. Гораздо более существенной становится другая проблема: для кого этот эффект оказывается актуальным? Для кого и в какой ситуации «производство демократии» является ключевым смыслом голосования?

При всем том, что фреймовый анализ является гораздо более пластичным методом для анализа различных способов взаимодействия, возникающих, казалось бы, в одном и том же контексте, он также не дает ответа на поставленный вопрос. Если рассматривать «производство демократии» как один из фреймов голосования, мы все равно сталкиваемся с ситуацией, когда в одно и то же время в одном и том же месте этот фрейм может стать фреймом переключения, а может не стать им. Более того, он может актуализироваться одновременно с другими.

По сути дела, в этом и заключается главная проблема применения фреймового анализа к сложным ситуациям социального взаимодействия. Переключение фреймов выглядит совершенно ясным на примере гоффмановского взмаха рукой, использованного Вахштайном, так же как метод насыщенного описания легче всего понять на примере райловских моргающих мальчиков. Но во всех остальных случаях и тот, и другой методы являются, по меткому эвфемизму Вахштайна, «ресурсами воображения».

Теперь я могу вернуться к заданному выше вопросу о том, что нам дает интерпретация выборного процесса как ритуала. Она

¹ Аналогичные нормы приняты и в российском выборном законодательстве.

дает иное понимание исходного фрейма голосования. Ведь, по сути дела, что собой представляет голосование? Люди ставят галочки¹. Это очень простое действие. Для того чтобы поставить галочку, не нужно даже уметь читать и писать. Многозначным символическим актом это действие становится благодаря пространству выборов. Только галочка, поставленная в определенное время на определенной бумаге, выданной и заполненной в определенном месте, брошенной в определенный ящик, становится «голосом». Вне этого пространства галочка остается галочкой.

Все происходящее на избирательном участке в день голосования — это процесс превращения галочки в «голос», приобретения повседневным действием нового смысла благодаря тому, что оно совершается именно «здесь и сейчас». Как бы по-разному ни понимали смысл происходящего его участники, все они становятся действующими лицами этой драмы превращения. Поведение людей, их отношение к событию могут быть различными, но общий контекст, заданный пространством выбора, остается неизменным.

При всех (известных нам) отличиях в практиках организации голосования все они обладают рядом общих свойств. Это, во-первых, замкнутость и закрытость пространства голосования (голосование не проводится на открытом воздухе), во-вторых, точная локализация во времени (все выборы имеют определенную дату и не длятся бесконечно долго) и, в-третьих, неиндивидуальность участия². Все эти свойства имеют отношение именно к наблюдаемой практике голосования. Вопрос об их связи с нормативными документами пока можно оставить в стороне. Люди, приходящие на пункт для голосования, оказываются на территории, понимаемой как пространство, где делается выбор, где галочка становится голосом.

Параллели такому сложносочиненному социальному взаимодействию стоит искать, по-моему, не в ритуале католической мессы или лаборатории, а, как это ни странно, в современной практике почитания святых мест. В ряде своих работ Жанна Кормина подробно рассматривает специфику поведения и ритуалики различных групп «посетителей» деревенской святыни на примере почитаемого места Пещерка, расположенного около д. Трутнево в Гдовском районе Псковской области [Kormina 2005; Кормина 2006]. Это место включает водоем,

¹ Галочка стала одним из главных образов, использовавшихся в российских предвыборных кампаниях 2011–2012 гг.

² Несмотря на критику понятия «общество» и других аналогичных терминов, различие между единичей и множеством, кажется, еще никто не поставил под сомнение.

источник, камень-следовик и небольшую песчаную пещеру. Среди участников почитания Жанна Кормина выделяет три основные группы: «городские паломники», «местные жители», «священник и люди его круга». Все они участвуют в ежегодном праздновании Шестой Пятницы¹, которая считается днем местной святыни. Несмотря на единство места и времени, а также структуры действия во время почитания в Шестую Пятницу, представители каждой из этих групп оказываются «глухи» к нарративам других групп и «слепы» по отношению к чужим поведенческим моделям. Городские паломники купаются в местном водоеме, считая эту практику полезной для здоровья, а местные жители называют их «моржами», предпочитая умыть лицо и ноги вдалеке от скопления людей и «спускать» по воде вещи, снятые с большой части тела [Кормина 2006: 142]. Для паломников «все святые места однотипны, способы обращения с ними одинаковы» [Там же: 137], именно поэтому надписи, процарапанные на стене пещеры, воспринимаются паломниками в одном ряду с записками Ксении Блаженной. Писать что-то в святом месте, обращаясь к святому, совершенно естественно для них, в то время как местные жители не знают такой практики, да и сами надписи — это не просьбы, а имена людей, которые, по всей видимости, приезжали сюда издалека [Там же: 136].

Участвуя в одном и том же, казалось бы, ритуале, представители разных групп прихожан по-разному понимают его смысл и цели, ведут себя в соответствии с известными и понятными им моделями поведения. Существование конкурирующих религиозных дискурсов, о которых пишет Ж. Кормина, не приводит к видимым (по крайней мере невооруженным глазом) конфликтам. Более того, все происходящее в Шестую Пятницу на Пещерке производит на стороннего наблюдателя впечатление более или менее согласованного действия, насыщенного множеством символов религиозного почитания: это и крестный ход, и церковная служба, и купание, и умывание водой из углубления в камне-следовике, и соби́рание «святостей» (песок, земля, камни и т.д.). Все это вместе и есть ритуал почитания, интерпретируемый по-разному его участниками.

В случае выборов мы сталкиваемся с похожей картиной: заданные параметры времени и места обеспечивают понимание события как события, в результате которого действие перекодируется, приобретает новое значение. То, что объединяет всех действующих лиц, — участие в самом акте чуда-превращения. То, что различает, — представление о том, что превращается во что.

¹ Пятница на шестой неделе после Пасхи.

Отсюда многочисленные примеры отношения к выборам как к особенному дню, проявляющиеся в одежде и поведении. Для пожилых людей день выборов устойчиво ассоциируется с праздником: во время надомного голосования пенсионеры, которые по разным причинам не смогли прийти на избирательный участок, нередко приглашают членов комиссии выпить чаю, угощают заранее припасенными сладостями. Приходя на участок, люди старшего поколения, нарядно одетые, непременно покупают пирожки и булочки, которые часто продают в холле избирательного участка. При этом сами члены комиссии, даже те, кто значительно моложе этой группы избирателей, также легко включаются в подобный тип взаимодействия: предложение посидеть и выпить чаю в квартире избирателя не вызывает у них удивления, они охотно его принимают. Во время голосования на моем участке один мужчина подарил представительнице комиссии цветок, который она приняла, не выказав удивления. Члены участковой избирательной комиссии старшего поколения были одеты в день голосования в то, что можно назвать парадной одеждой, — строгие костюмы, белые блузки или рубашки. Приходящие на участок избиратели среднего поколения нередко приводили с собой детей и в этих случаях почти всегда заводили их в кабинку для голосования, а если садились за стол, обязательно давали ребенку ручку, для того чтобы он сам поставил отметку в бюллетене. Выйдя в какой-то момент на улицу, я обнаружила пару лет пятидесяти: мужчина фотографировал женщину на фоне растяжки «Помещение для голосования», висящей на стене школы. Женщина улыбалась и, очевидно, позировала.

Эти особенности поведения могут быть интерпретированы иначе. Люди берут детей на избирательный участок, потому что их не с кем оставить. Пенсионеры угощают членов комиссии просто от скуки. Но такое объяснение не противоречит высказанному выше. Точно так же приглашение гостей на день рождения может мотивироваться желанием повидать близких, что не противоречит интерпретации этого события как акта поддержания семейной и групповой солидарности. Для различения этих смыслов В. Тернер выделял три основных параметра символов: экзегетический, операционный и позиционный¹, А.К. Байбурин и А.Л. Топорков использовали понятия

¹ «У символов есть три особенно значительных параметра: экзегетический, операционный и позиционный. Экзегетический заключается в объяснениях, которые даются исследователю исполнителем в ритуальной системе. <...> В операционном параметре исследователь уравнивает значение символа с его использованием — он наблюдает, что исполнители делают с ним и как они относятся друг к другу в этом процессе. <...> В позиционном параметре наблюдатель находит в отношениях между одним символом и другими символами важный источник его значения» [Тэрнер 1983: 41].

«мотивировка» и «мотивация»¹. Как бы ни объясняли свои действия участники голосования, день выборов является для них символическим событием, вписанным в праздничный, а не в повседневный контекст. В зависимости от различных обстоятельств все участники «разыгрывают» эту ситуацию по-разному, но для всех них это — ситуация ритуала.

Я вполне осознаю, что использование понятия «ритуал» выглядит несколько наивно на фоне критики антропологической практики, полагающейся на искусственно созданные конструкты и категории, навязываемые человеческому обществу, которое и само по себе кажется более или менее искусственно созданным конструктом и категорией. Но моя задача заключается вовсе не в том, чтобы поместить все множество различных действий, интерпретаций и символов, задействованных в процессе голосования, в прокрустово ложе категории ритуала. Само это слово для меня — только операционный маркер, отсылающий к тем вариантам поведения, которые связаны с символической перекодировкой какого-либо явления, — в данном случае с превращением галочки в голос.

Сколь бы рутинным ни казался процесс голосования, он никогда не бывает таковым ни для одного из действующих лиц. «Выборы» всегда опознаются как ритуал, локализованный во времени и пространстве и, соответственно, имеющий достаточно четкие границы. Воображаемое сворачивание длительного выборного процесса до одного дня, о котором пишет Кимберли Коулз, — это не только результат восприятия выборов как технической процедуры, но также и неизбежное следствие разграничения повседневного и неповседневного. Участники голосования ожидают от выборов особенного, экзотического опыта, а их поведение организуется в связи с теми признаками ритуала, которые они прочитывают в окружающем пространстве, и теми интерпретациями этих признаков, которые обусловлены их личным опытом ритуального взаимодействия.

¹ «Будем понимать под мотивировкой то объяснение, которое дается этикетному предписанию или запрету самими носителями традиции, а под мотивацией — объяснение, которое имеет более глубинный характер и устанавливается исследователем. Соотношение мотивировки и мотивации имеет двойственный характер. С одной стороны, мотивировка (одна или несколько) объективно существует внутри традиции, а мотивация является исследовательским конструктом и, вообще говоря, всегда может быть оспорена, уточнена, углублена и т.д. С другой стороны, мотивировки, как правило, достаточно субъективны и противоречивы, а мотивация обнаруживается с помощью специальных процедур (сравнение вариантов, привлечение дополнительного материала и т.д.) и объясняет закономерности, недоступные пониманию самих носителей традиции. Мотивация имеет характер алгоритма, и степень ее достоверности проверяется тем, в силах ли она объяснить новые появляющиеся факты» [Байбурин, Топорков 1990: 18–19].

2. Территория выбора

Галочка превращается в голос в определенном месте и в определенное время. Территорию, организованную специально для этого символического действия, я называю пространством выбора. Несмотря на то что территория выбора является общей для избирателей, членов комиссии, сотрудников полиции, охраны, продавцов сладостей в фойе школы и т.д., пространство выбора оказывается для них разным. Школьные учителя, работающие в избирательной комиссии на участке в своей же школе, оказываются в знакомом месте. Их пространство гораздо шире пространства обычных избирателей. Они могут заходить в другие кабинеты, где лежат их вещи, переходить со своего участка на участок, где работают их знакомые. Кроме того, все члены комиссии обживают пространство выбора за время работы: присваивают себе определенные зоны и в разной степени осваивают чужие. Для всех сотрудников избирательного участка пространство выбора не статично, оно меняется: все они приходят сюда за несколько дней до начала голосования и остаются здесь после его окончания, когда пространство трансформируется из сцены голосования в поле подсчета голосов. Обратившись к отчетам наблюдателей, участвовавших в выборах 4 марта 2012 г., нетрудно заметить использование военных метафор применительно ко дню голосования. В частности, сам избирательный участок воспринимался многими наблюдателями как «поле боя»¹, что не могло не сказаться на способах освоения избирательного пространства и поведении внутри него.

В рамках этой заметки меня интересует в первую очередь пространство избирателей. Они приходят на участки для голосования, как правило, ненадолго. Им не приходится осваивать эту территорию, они здесь гости. По моим наблюдениям, мало кто из избирателей отклоняется от заранее определенного маршрута, ходит по школе или заглядывает на другие участки². Поскольку отчеты наблюдателей ориентированы на фиксацию конфликтных ситуаций, поведение обычных избирателей в них практически полностью игнорируется³. И тем не менее это их галочки становятся голосами, благодаря им

¹ «Наконец поднялись на второй этаж и сразу увидели поле боя. Представьте себе холл старой школы. Между холлом и коридором большая колонна, к ней приставлена приличных размеров доска с кандидатами и правилами голосования. В холле столы членов УИК, ну и прочее что полагается, а стулья для наблюдателей в коридоре на максимальном удалении, весь обзор закрыт доской» [Eurekanext 2012].

² Я не видела ни одного человека, который бы просто бродил по школе в день голосования, но исключать такую возможность все-таки нельзя.

³ За исключением нарушителей, осуществляющих так называемые вбросы.

территория избирательного участка превращается в символическое пространство выбора. Каким оно выглядит для них?

Я опираюсь на достаточно узкий круг материалов — мои собственные наблюдения, сделанные на одном из избирательных участков Санкт-Петербурга 4 марта 2012 г., где я работала в качестве члена избирательной участковой комиссии с правом совещательного голоса. Это один из типичных избирательных участков, находящихся в спальном районе города. За участком закреплено 2083 избирателя, из которых проголосовали 1380 человек. Я не стремлюсь к каким-либо обобщениям. Более того, я думаю, что обобщения в данном случае приведут лишь к упрощению картины. Микроанализ ситуации взаимодействия дает в данном случае гораздо больше результатов, чем макроанализ, позволяя расшифровать определенные действия участников, включенные в определенный контекст. По этой причине я в основном полагаюсь на собственные наблюдения и в редких случаях привлекаю сравнительные материалы с других участков.

Зачастую я использую собственные ощущения и опыт для интерпретации действий участников. Традиции автоэтнографии делают эту процедуру академически легитимной¹. Придя на избирательный участок утром 4 марта, я не стала здесь чужеродным объектом, заброшенным с одной из далеких планет. Наравне с другими людьми, задействованными в процедуре голосования, я также была носителем опыта, определяющего мое поведение, и разделяла этот опыт с теми, кто участвовал в выборах. Именно поэтому ссылку на собственное понимание происходящего я считаю в данном случае уместной и возможной.

Например, я могу утверждать, что родители вполне сознательно приводят своих детей на избирательные участки для того, чтобы те приобщились к важному, с точки зрения родителей, социальному опыту. Здесь я полагаюсь на собственные ощущения и общее знакомство с отношением взрослых к участию детей в событиях такого рода. Находясь в декабре 2011 г. в другой стране, я сознательно взяла своего ребенка на избирательный участок, отчетливо понимая, что делаю это не только потому, что ему нужна прогулка, что, конечно, тоже было верно, но и потому, что считаю участие в выборах важным символическим актом и хочу, чтобы мой ребенок относился к этому мероприятию так же. Участие или неучастие детей в крупных политических событиях активно обсуждалось в связи с гражданскими митингами протеста и вызвало массу споров. Это обсуждение показало, что функция социализации ребенка,

¹ См. обоснование метода в: [Anderson 2006].

приобщения его к важному для родителей социальному опыту играет важную роль для взрослых участников процесса. Мое отношение к этому вопросу вполне согласуется с этим тезисом.

Отказ от использования для анализа своего личного опыта и ощущений мне кажется здесь не только невозможным, но и неверным. Не только потому, что я, получив вполне определенный юридический статус в составе избирательной комиссии, играла в мероприятиях 4 марта определенную и активную роль, но и потому, что само представление о возможности исключения личного опыта наблюдателя из области анализируемого, например путем жесткой саморефлексии, на мой взгляд, является не больше чем иллюзией¹.

Традиция vs текст

Организация пространства выборов определяется рядом писанных и неписанных правил. В значительной степени современные инструкции об устройстве избирательного участка и процедуре голосования опираются на нормы, закрепленные Положением о выборах в Верховный Совет СССР, принятым ЦИК СССР 9 июля 1937 г. Несмотря на то что выборы в России существовали и раньше, именно выборы в Верховный Совет 1937 г. стали первыми всеобщими равными прямыми выборами в СССР². Приводя эти данные, я вовсе не хочу блеснуть эрудицией или придать исторический вес исследуемому явлению. Историческая глубина выборов — вопрос не только формальный. Он имеет отношение к тому, как участники выборов понимают суть происходящего и как строится их взаимодействие.

Временная глубина опознается всеми людьми, так или иначе задействованными в голосовании. Для всех участников выборы — это событие, обладающее, нагруженное историей. Обсуждая с одним из наблюдателей на выборах поведение избирателей, я обратила его внимание на то, что люди сворачивают свои бюллетени пополам перед тем, как бросить их в урну. Наблюдатель, а это был молодой человек лет двадцати трех, заметил на это, что, скорее всего, они поступают так по привычке: раньше щель в урне была маленькой, и люди привыкли складывать бюллетень вдвое, прежде чем бросить его в урну.

¹ Обсуждение этой темы см. в: [Вахштайн 2011: 220–223].

² Они проводились на основании Конституции 1936 г., установившей всеобщее, равное и прямое избирательное право при тайном голосовании. Об истории избирательного права в СССР см.: [Давидович, Малышев 1958; Иванченко 1996; Fitzpatrick 1999: 180–182; Макаревич 2006]; об истории выборов в дореволюционной России: [Ефремова 1998; Институт выборов 2001].

Существование у выборов некоего «раньше» выглядит само собой разумеющимся. Многие члены избирательной комиссии — это люди, которые работают в этом качестве далеко не первый раз. «У нас так принято», «здесь так не делают» или «так всегда делают» — это постоянные комментарии членов УИК в течение дня голосования. Но дело не только в том, что в своем знании, как и что делать, организаторы выборов на местах опираются на личный опыт. Выборы понимаются ими как событие, имеющее жесткую структуру и правила, легитимированные давней традицией. Именно с этим обстоятельством были связаны многие конфликты, происходившие в процессе голосования.

Участвовавшие в выборах гражданские наблюдатели, прошедшие специальную подготовку в виде тренингов и курсов, семинаров и видеопрезентаций, изучившие инструкции и законодательные акты¹, оценивали происходящее в день выборов с точки зрения его соответствия или несоответствия кодифицированной процедуре, досконально прописанной в специальных текстах². Легитимной, с их точки зрения, была процедура, которая полностью соответствовала этим текстам³. Постоянные члены избирательных комиссий (а большинство членов комиссий — постоянные), не отказывая закону в его законности, тем не менее опирались на сложившуюся традицию, которая для них обладала значительно большим весом опять же в силу самой сложившейся традиции. Полагаясь на это знание, члены избиркомов допускали или не допускали определенные действия, готовили участок. Конфликт двух типов легитимации процедуры получал разрешение⁴ только путем уступок одной из сторон, но никогда не приводил к смене самого типа. Иными словами, постоянные члены комиссии не были готовы отказаться от опоры на «традицию», так же как наблюдатели в подавляющем большинстве случаев не могли отказаться от опоры на «букву закона».

¹ Термин «гражданские наблюдатели» я отношу именно к тем, кто пришел на выборы, пройдя указанную подготовку.

² В случае выборов Президента РФ такими текстами являются: Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ «О выборах президента Российской Федерации»; Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»; Постановление от 17 августа 2011 г. № 26/255-6 «Об инструкции по организации единого порядка установления итогов голосования, составления протоколов избирательных комиссий, определения результатов выборов, получения, передачи и обработки информации с использованием государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы» при проведении выборов президента Российской Федерации». Нарушения процессуального порядка караются в соответствии с Кодексом РФ об административных правонарушениях (ст. 5.6, 5.22, 5.24, 5.25, 5.39, 5.58) и Уголовным кодексом РФ (ст. 142).

³ Именно так понимала свою задачу и я. Хотя вопрос о том, в чем именно видели свою миссию, функции и цели наблюдатели, безусловно, заслуживает отдельного внимания.

⁴ Если получал, конечно.

Причина неприступности обеих позиций также достаточно понятна. В той степени, в какой традиция легитимирует для членов комиссии практику проведения выборов, знание этой традиции становится основой их собственного авторитета. Знание буквы закона, в свою очередь, является основой авторитета наблюдателей в их собственных глазах. Поступившись традицией в первом случае и текстом во втором, и те, и другие лишились бы права контролировать процедуру, в то время как и те, и другие (по крайней мере в случае выборов 4 марта) выступали в качестве групп, конкурирующих именно за это право.

Существование различных типов легитимации — не исключительное свойство ритуального момента голосования, а связано, вероятно, с гораздо более масштабными процессами в современном российском обществе. Для примера рефлексии по этому поводу я приведу цитату из блога Владимира Навроцкого в «Живом Журнале»¹:

История, начавшаяся с декабрьских выборов и продолжающаяся вот этим всем, и пусси райот тоже, например — это история взаимонепонимания людей с синдромом Аспергера и людей без синдрома Аспергера. То есть людей, которым нужны писанные четкие простые правила (Конституция в случае с выборами или УК в случае пуссирайот) — и людей, которые отлично себя чувствуют внутри цветущей сложности, где правила есть, но на пару порядков сложнее, меняются на ходу и дополняются умолчаниями, негласными договоренностями, духом момента, общественным мнением, whatever.

То есть вещами, которые аутисты не считают, не понимают, не чувствуют — и потому хотят, чтобы их не было, а были четко прописанные правила, обязательные для всех.

Это важно понять — когда кто-то говорит «Да, пуссирайот не нарушили писанные правила, но они сделали что-то очень плохое, нарушили негласные правила — неужели вы не понимаете?» — проблема именно в том, что мы действительно не понимаем. Точно так же, как не понимали, почему некоторые люди в классе хорошо к нам относятся, а некоторые нет; или, например, в каких случаях уже можно предложить девушке секс, а когда еще рано или уже поздно. Проблема именно в том, что у другой половины людей никаких вопросов тут нет, они все это чувствуют, знают, не нуждаются в мануалах и не понимают, зачем нам нужно все кодифицировать.

Естественно, они и не хотят все кодифицировать — это лишило бы их преимущества, да и вообще трудно.

¹ Сохранены орфография и пунктуация автора.

Плюс несколько замечаний, которые я не хочу терять:

1) мы, кстати, все видели, что бывает, если человеку с синдромом Аспергера рассказать одно или два неписанных правила — весь интернет полон людьми, уверенными, что все, что происходит, происходит ради т.н. «попила» и «отката», потому что про попилы и откаты им рассказал Н-льный, а про другие мотивации не рассказал. Поэтому если уж кодифицировать, то все или ничего.

2) Ну да, теперь благодаря литературе мы отлично знаем, как подняться в общине хиппи 60-х. Полезная информация, да? Давайте теперь ностальгировать хором по тем временам, только вспомним сначала, что у реальных участников событий никаких путеводителей не было.

3) Из всего этого следует, что никого ни в чем убедить нельзя. Кто-то нормальный человек, кто-то аутист, и вместе им не сойтись. Ну не убивать же нормальных, в самом деле. Их, кажется, и больше [Навроцкий 2012].

Различие двух типов легитимаций, о которых здесь идет речь, — кодифицированного правила и негласного закона — действительно характеризует современный способ восприятия и оценки многих социальных явлений, причины актуализации которого заслуживают отдельного внимания. В данном случае важно, что само существование двух типов обоснования того или иного действия становится более или менее осознанным объяснительным и мотивационным ресурсом. В отличие от Владимира Навроцкого, я думаю, что вопрос использования обеих моделей не зависит от индивидуальных или групповых качеств, а является ситуационным. То есть в каждой конкретной ситуации человек может воспользоваться той или другой моделью поведения и его объяснения¹. Особенность процедуры голосования 2012 г. заключается в том, что здесь столкнулись оба принципа легитимации.

Историческая глубина выборов связана не только с отношением к этому процессу местных организаторов. Она является неотъемлемой частью события для всех его участников. Об этом свидетельствует и огромное количество предвыборных плакатов, варьирующих на тему выборов в СССР (ил. 1). Ожидания

¹ Водитель, нарушивший ПДД, машину которого остановил сотрудник ДПС, может следовать известным неписаным правилам поведения, а может полагаться на кодифицированную процедуру. Возможность использования обеих моделей дает человеку выбор, который хотя и зависит от его личных убеждений, но в каждом конкретном случае определяется не только ими. Если водитель ограничен во времени, он может воспользоваться неписаными правилами процедуры, потому что она значительно короче, если же он никуда не торопится, законный вариант представляет собой вполне возможную альтернативу.

от выборов, выразившиеся в создании движения гражданских наблюдателей, отчасти также являются реакцией на историческую глубину выборов. Практики их проведения и в представлении наблюдателей глубоко укоренены в традиции.

Ил. 1. Плакат против выборов. Из галереи анархиста Иванова¹

Заборы

Выборы локализованы во времени и пространстве. Жесткая локализация предполагает наличие видимых и даже телесно осязаемых границ. Так же как и другие авторы, я предпочитаю уйти от вопроса о том, кто создает эти границы. Показательно, что сами эти границы никем не оспариваются. Упреки в неправильном обустройстве участка для голосования никогда не встречаются в отчетах наблюдателей. Из 90 пунктов, включенных в тщательно разработанную Дорожную карту наблюдателя, охватывающую все возможные нарушения в процессе проведения голосования и подсчета голосов, только три пункта касаются помещения для голосования².

¹ Сайт «Akratia.narod.ru. Музыка, видео, фото, графика. Проект анархиста Иванова» <<http://akratia.narod.ru/placards/antielections/gallery.html>>.

² Это следующие вопросы: «2.1. С места, которое Вы занимаете, Вам одновременно видны места выдачи бюллетеней, кабины и ящики для голосования. 2.2. В помещении для голосования или на расстоянии 50 метров от него нет агитации за какого-либо кандидата. 2.3. В помещении для голосования висит УФП [увеличенная копия протокола. — Е.А.]». Дорожную карту см. в «Юридическом комплекте независимого наблюдателя» на сайте партии «Демократическая правовая Россия» <<http://www.democrat-russian.ru/content.php?id=606>> и на сайте партии «Яблоко» <http://www.yabloko.ru/files/info_observ/binder2.pdf>.

Но и они не имеют прямого отношения к организации пространства, которое выглядит незыблемой и неоспоримой твердыней. Ее крепость имеет не только символический характер. Пространство выбора окружено рядом заборов и находится под строгой охраной.

Избирательные участки, как уже говорилось, всегда находятся в помещении, и в российском случае это всегда здания, принадлежащие муниципальному образованию¹. Поскольку они должны отвечать, с одной стороны, ряду предписанных критериев², а с другой — быть пригодными для пребывания там людей на протяжении достаточно долгого времени, избирательные участки нередко размещают в школах. Это не исключительно российская практика. Школы идеально подходят для проведения крупных выборов. Избирательные участки могут находиться не только в школах, но поскольку дальше речь пойдет о моих наблюдениях, я остановлюсь именно на таком, школьном, участке.

Первый забор, отделяющий территорию выбора от окружающего пространства, — визуальный. Вы видите на фасаде здания обязательные флаги и растяжку с надписью «Помещение для голосования». Территория выбора ограничена явными знаками присутствия власти. Уже первые подступы к крепости строго охраняются: недалеко от школы видны машины полиции и ДПС. У входа в здание, как правило, курит кто-то из полицейских. Но даже если его нет на улице, несколько людей в форме обязательно находятся в холле. Перед входом на участок сидит человек в штатском с бейджем, на котором написано «Дежурный охраны».

Совмещение территории выбора с образовательно-дисциплинарным пространством само по себе создает эффект мобилизации власти. Бывшие ученики приходят в старую школу, родители — в школу своих детей. Все они оказываются в роли учеников, сидящих за партами в одном из классов, столовой, актовом или спортивном зале. Наличие полицейских, с которыми вы

¹ Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации», ст. 66, п. 1.

² Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» требует, чтобы помещение для голосования отвечало следующим критериям: «В помещении для голосования должен быть зал, в котором размещаются ящики для голосования, кабины или иные специально оборудованные места для тайного голосования, оснащенные системой освещения и снабженные письменными принадлежностями, за исключением карандашей» (ст. 66, п. 2); «Помещение для голосования должно быть оборудовано таким образом, чтобы места выдачи избирательных бюллетеней, места для тайного голосования и ящики для голосования одновременно находились в поле зрения членов участковой избирательной комиссии и наблюдателей» (ст. 66, п. 12). Кроме этого, в законе оговаривается обязательное наличие на избирательном участке информационного стенда с материалами обо всех кандидатах и увеличенной копии протокола.

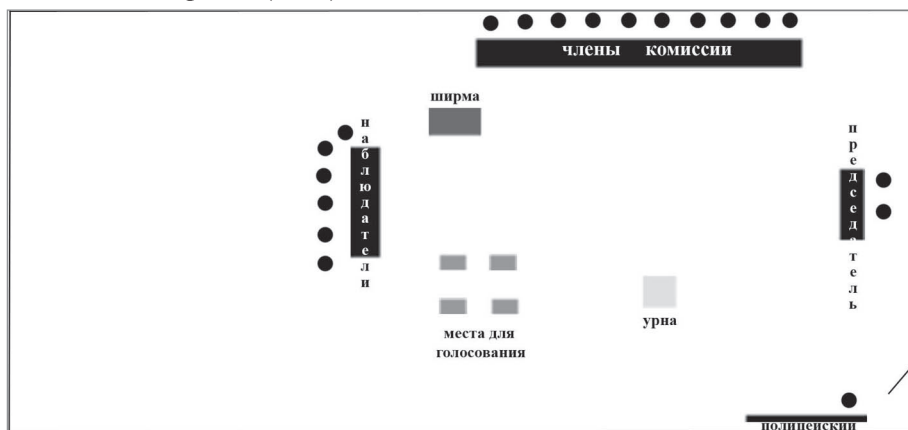
непрерывно сталкиваетесь уже у входа, закрепляет эффект присутствия власти.

Вместе с тем дисциплинарное пространство совмещается с праздничным. В коридорах школы играет музыка, на стенах висят объявления о концерте, который часто проводится в школах в день голосования. В холле непременно продают пирожки и чай.

Второй забор ограждает пространство собственно избирательного участка (далее — УИК). В одном здании находится, как правило, несколько таких участков — каждый в отдельном помещении. Заходя в зал¹, где расположен УИК, вы сталкиваетесь с еще одним полицейским. Здесь уже не играет музыка и, несмотря на то что помещение для голосования не является режимным объектом и не существует никаких запретов на те или иные «обычные» действия на участке, здесь все-таки не слышно громкой речи, а все перемещения людей происходят в медленном темпе и по достаточно строго определенным траекториям.

Сцена для голосования

Организация пространства УИК регламентируется правилами федерального закона, но эти правила не фиксируют места расположения основных объектов: столов, кабин для голосования, урны, членов комиссии. Вопрос о том, где они должны находиться, решается исходя из уже сложившейся на участке традиции. Участок, где я работала, был обустроен следующим образом (ил. 2).

Ил. 2. План избирательного участка в спортивном зале средней общеобразовательной школы

¹ В моем случае это был спортивный зал.

Изначально прямоугольный и достаточно большой спортивный зал был стянут в некоторое подобие квадрата. Урна для голосования находилась практически в центре зала. Попадая на участок, избиратели, как правило, проделывали путь от входа, где сидел полицейский, к столам членов комиссии, где, с легкостью найдя свой адрес, садились на стул, предъявляли паспорт, расписывались в списке избирателей и получали бюллетень. Дальше они отправлялись либо к местам для голосования, либо к кабине для голосования, после чего должны были бросить бюллетень в урну и покинуть помещение участка, а затем и здание школы. Строгость этой траектории, нигде не обозначенная, тем не менее воспринималась как естественная для избирательного участка, что стало особенно заметно в момент нарушения сложившегося порядка. Одна из женщин, придя на участок, оставалась там какое-то время, перемещаясь от стола членов комиссии к председателю, а затем обратно и еще какое-то время двигаясь по залу. Ее поведение практически сразу обратило на себя внимание наблюдателей и всех членов комиссии. Оно казалось неестественным и автоматически было воспринято как связанное с конфликтной ситуацией. Вскоре выяснилось, что так оно и было¹.

Несмотря на то что в зале для голосования не наблюдалось никаких заграждений, границы освоенной территории были вполне определены. В течение всего дня голосования никто из избирателей и членов комиссии ни разу не вышел за пределы очерченного квадрата.

На всех четырех сторонах квадрата располагались представители избирательного участка: председатель, члены комиссии, наблюдатели, полицейский. Все они находились точно по периметру, образуя внутри квадрата своеобразную сцену для голосования². Визуально территория участка оказалась разделена на два пространства: наружный статичный пояс, образованный

¹ Проблема была вызвана отсутствием открепительного удостоверения у родственницы избирательницы.

² Для сравнения приведу описание избирательного участка из дневника другого наблюдателя (УИК № 1578 г. Мытищи Московской обл.): «Дислокация объектов на участке (по часовой стрелке от входа) была такова: слева от входа, под баскетбольным щитом стояли стулья и на них сидели наблюдатели, дальше дверь в раздевалку и ряд столов до середины зала, за которыми, спинами к окнам, расположились члены комиссии. Посредине, там где обычно вешается волейбольная сетка, поперек зала стояли спортзальные скамейки, отделяя пустую дальнюю половину зала. На скамейках были поставлены цветы, принесенные из класса. После первой скамейки, в центре зала стояли две прозрачные урны для голосования, меж ними — флаг России <...>. Дальше — вторая скамейка с цветами в горшках и стол, за которым сидит, обозревая всех, девушка милиционер, в чине лейтенанта. Потом (уже вдоль глухой стены) три кабинки для голосования и еще два стола со стульями, на них восседает милицейский майор. Одна видеокамера закреплена на баскетбольном щите над наблюдателями — направлена на урны, вторая, между окнами, направлена на столы комиссии» [Широков 2012].

представителями УИК, и внутреннее динамичное поле, где перемещались избиратели.

Как следствие такого разделения, наблюдатели оказывались в представлении избирателей в одной группе с другими членами УИК¹. К ним обращались с просьбой выдать бюллетень, помочь в решении конфликтных ситуаций. В нескольких случаях избиратели даже пытались сдать наблюдателям заполненный бюллетень.

Статичный наружный пояс воспринимался как таковой и членами комиссии. Наблюдатели, которые совершенно не обязаны сидеть на одном месте и, более того, обязаны, согласно инструкциям, внимательно следить за действиями, происходящими в разных местах избирательного участка, тем не менее двигались крайне мало. Выход из условной зоны наблюдателей, выделенной им на территории участка и негласно закрепленной за ними, воспринимался самими наблюдателями и другими членами комиссии как провоцирующий конфликт².

Статичный пояс охватывал территорию выбора по периметру, а динамичное пространство избирателей составляло его внутреннюю часть. Заходя в зал, человек ступал на сцену, неизбежно оказываясь сам в центре наблюдения. Перед нами — паноптикум Бентама наоборот. Множество глаз были устремлены в центр, где находились избиратель и его выбор. Центральной точкой пространства и наблюдения становилась урна для голосования, хорошо просматривавшаяся со всех сторон очерченного квадрата.

Тайна выбора, или Почему избиратели не видят урну для голосования?

«Тайна голосования» является одним из ключевых понятий в дискурсе о выборах. Именно она призвана гарантировать его свободу. Закон запрещает нарушение тайны голосования³,

¹ В отличие от членов УИК, наблюдатели не обладают никакими правами в процессе голосования, кроме права наблюдения. Они не могут выдавать бюллетени и каким-либо образом влиять на происходящее.

² Отчеты по другим участкам показывают, что наблюдатели далеко не всегда вели себя так же пассивно, как на моем участке. Во многих случаях они передвигались по залу, подходя к столам членов комиссии, урне и другим объектам. Но и в этих случаях перемещение наблюдателей расценивалось как нарушающее негласный порядок: «В девятом часу народа еще мало (хотя к восьми пришла небольшая очередь, желающих проголосовать как можно раньше). Но мы уже мешаем комиссии, стоя посреди “полузалья”, и председательша хочет, чтоб мы не маячили перед столами, а сидели на стульях» [Широков 2012].

³ Постановление от 17 августа 2011 г. № 26/255-6 «Об инструкции по организации единого порядка установления итогов голосования, составления протоколов избирательных комиссий, определения результатов выборов, получения, передачи и обработки информации с использованием государственной автоматизированной системы Российской Федерации “Выборы” при проведении выборов Президента Российской Федерации» (ст. 2.3.5).

следствием чего становится запрет на фото- и видеосъемку заполненных или заполняемых бюллетеней, а также личных данных в списках избирателей. Наличие закрытой кабины для голосования и специальных ширм является обязательным условием проведения выборов. Согласно федеральному закону, «избирательный бюллетень заполняется в кабине или ином специально оборудованном месте для тайного голосования, где присутствие других лиц недопустимо»¹ (ил. 3).

Закрытым для чьих-либо глаз должен быть, как следует из текстов закона и других инструкций, акт заполнения бюллетеня. Именно для этого на участке устанавливаются ширмы. Урна же для голосования расположена в подчеркнуто открытом месте. С этого года все урны сделаны из прозрачного оргстекла, что должно препятствовать незаконным вбросам бюллетеней. Опускание бюллетеня в урну не только не описывается в категориях тайны, но и, наоборот, становится актом демонстративного прозрачным и доступным любой форме наблюдения (ил. 4).

Ил. 3. Кабина для голосования

Ил. 4. Урна для голосования

Вместе с тем на моем участке закрытая кабина для голосования практически всегда пустовала. Более чем из тысячи людей, пришедших сюда 4 марта, туда зашли лишь около 20 человек. Если они и сделали это с целью сохранения тайны своего голоса, в их поведении присутствовали и другие мотивы. В кабину заходили родители с маленькими детьми, которых поднимали

¹ Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации»; Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», ст. 69, п. 9.

к самом столу, очевидно, для того чтобы ребенок мог сам поставить отметку в бюллетене¹. Молодой человек, пришедший с друзьями, помахал им рукой и зашел в кабину с тем выражением лица, с каким заходят в одну из таинственных комнат в парке аттракционов. Голосование для этих людей было экзотическим опытом, и они хотели приобщиться к нему (или дать возможность приобщиться к нему своим детям) в полной мере².

Обычно, не обращая внимания на кабину для голосования и даже не ища ее глазами, избиратели сразу же после получения бюллетеня направлялись к столам для заполнения бюллетеней. В нескольких случаях люди оказывались за одним столом, несмотря на то что тайна их голоса в этом случае, очевидно, могла быть нарушена. Никто из заполнявших бюллетени не пытался как-то защититься от возможных взглядов со стороны других избирателей, оказавшихся поблизости³.

Тем не менее практически все проголосовавшие на участке люди свернули свои бюллетени пополам, перед тем как бросить их в урну (ил. 5). Один мужчина, свернув свой бюллетень несколько раз, подошел к урне, развернул его, просмотрел, затем снова несколько раз сложил его и только после этого бросил в урну для голосования. Когда я сама заполняла бюллетень, тоже непроизвольно сложила его пополам, лишь потом задумавшись о том, зачем я это делаю.

Ил. 5. Избиратель опускает в урну сложенный вдвое бюллетень

-
- ¹ Я не видела того, что происходило в кабине для голосования, но мне довольно сложно представить себе человека, одновременно поднимающего ребенка и ставящего галочку в бюллетене.
- ² По этой же причине родители часто давали детям бюллетени, для того чтобы они бросили их в урну, на что обратили внимание многие наблюдатели. Например: «Много было пожилых людей, много людей с детьми (они постоянно давали детям бросить бюллетень)» [Shagirt 2012]; «Вот — семья, 3 человека подходят к урне, бросает бюллетень мальчик» [Волков 2012]; «Часто приходили с детьми, и в этом случае непременно ребенок, поднятый папой над урной, старательно сопя, просовывал в нее сложенные бумажки» [Igor_mrз 2012].
- ³ Ср. из наблюдений на других участках: «Заполнявшие особо не скрывали момент проставления галочек» [Широков 2012]. Как пишет член избирательной комиссии с правом решающего голоса, имевшая право выдавать бюллетени, «некоторые голосовали, не отходя от моего стола (хотя я и пыталась отправить их в кабинку для тайного голосования)» [Yin_phoenix 2012].

Объяснение такому поведению следует, на мой взгляд, искать в том обстоятельстве, что для избирателей центральным моментом ритуала голосования является не заполнение бюллетеня, а отчуждение собственного голоса. Именно это действие оказывается наиболее символически нагруженным. «Народ часто фотографирует момент опускания бюллетеня, — пишет наблюдатель на УИК №1578 в Мытищах. — Так, пара молодых людей позирует, а на бюллетенях явно галочки у Прохорова» [Широков 2012]. «Перед Шагиным получает бюллетень странный старикан в марлевой повязке. Оператор начинает снимать голосование, что приводит старикана в крайнее возбуждение. Он крестится и отвешивает урне поясные поклоны перед камерой», — это цитата из дневника наблюдателя на УИК № 107 Санкт-Петербурга [McAriev 2012].

Приведу еще одну запись из Интернета. Она сделана накануне дня выборов:

Завтра на выборы я должна надеть новую яркую пронзительно-голубую куртку, подойти к урне, опустить бюллетень, затем повернуться спиной к урне и помахать рукой приветственным жестом. Можно сделать реверанс. Можно поклониться. Можно даже сложить руки в намасте и так постоять.

Все это для того, чтобы мой полуслепой папа (83 года, пять инфарктов, атрофия сетчатки, задавленный облучением три года назад неоперабельный рак горла) рассмотрел любимую дочку на ее избирательном участке N 1575 в своем компьютере, сделал скриншот и переслал мне, в Израиль, в Германию, в США, в Минск, в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов... Все уже им отлажено, настроено, сто раз проверено и должно получиться! [Kikln 2012].

Акт отчуждения голоса является для избирателей центральным событием всего выборного ритуала. Именно в момент опускания бюллетеня в урну галочка становится голосом, в это мгновение совершается чудо превращения. Сама же урна оказывается главной точкой локализации ритуала.

Несмотря на то что избиратели, как следует из приведенных примеров, нередко фотографировались рядом с урной для голосования, публичность акта отчуждения голоса вызывала у многих чувство неудобства. В той же степени, в какой действие по заполнению бюллетеня не требовало для большинства голосующих специальных условий по сохранению тайны, этих условий требовал акт отчуждения голоса.

По сообщению одной из моих коллег, подойдя к урне, она увидела, что бюллетень, который только что бросила туда другая женщина, упав в прозрачную урну, развернулся. И эта открытость вызвала у нее ощущение незащищенности, она поймала

себя на мысли о том, что ей не хотелось бы, чтобы и ее бюллетень так же был виден другим людям. Это ощущение не было вызвано желанием скрыть свой выбор — он был вполне явлен окружающим в виде определенных деталей одежды, но стало рефлексией на прозрачность и демонстративную открытость самого акта отчуждения голоса.

Практически дословно это сообщение повторяет и другой участник голосования:

И еще меня поразила прозрачная урна для голосования. Настолько, что мы даже обошли ее кругом. Наверняка, со стороны это выглядело странно. Но ведь там же все видно, внутри! Все бюллетени! Когда мой свернутый листок, такой беззащитный, беспомощно падал вниз, уже не в силах более скрывать тайну моего голосования, прямо хотелось броситься к нему, к этой урне, закрыть собой, уберечь [Доброскорова 2012].

Урна для голосования во время этих выборов не только была прозрачной, но и находилась в центре зала. Как следствие жесткой пространственной организации участка, место урны оказывалось внутри пространства, ограниченного статичным поясом представителей власти, и попадало в главный фокус их наблюдения.

Одна из особенностей поведения избирателей, на которую обратили внимание и другие наблюдатели на моем участке, заключалась в том, что многие из тех, кто пришел на выборы, легко нашли свой адрес и нужного члена комиссии, без всяких затруднений проследовали к столу для заполнения бюллетеней, но, поднявшись оттуда, не могли найти урну для голосования. В ряде случаев избиратели обращались за помощью к наблюдателям. Несколько человек даже зашли в кабину для голосования, ожидая найти урну за ширмой.

Вопрос здесь не столько в том, насколько удачно была расположена в зале урна для голосования¹, сколько в том, где именно избиратели ожидали ее увидеть. И судя по моим наблюдениям, люди во многих случаях рассчитывали обнаружить ее не в центре зала, а на периферии. Естественным местом ее расположения казалось закрытое, удаленное от чужих взоров пространство. Тайны требовал центральный момент ритуала, которым был акт отчуждения голоса, а не действие по заполнению бюллетеня.

¹ Ее расположение, безусловно, соответствовало правилам, установленным законом. Урна для голосования находилась в хорошо просматриваемом месте. Ее было видно при входе в зал, от стола членов комиссии и с других точек. Кроме того, рядом с урной стояли государственные флаги, которые было трудно не заметить.

Заключение

Во время голосования от человека ожидается простое действие, которое обычно не занимает много времени. И, несмотря на это, многие люди отказываются его совершить. За исключением тех случаев, когда человек не может проголосовать по каким-либо техническим, скажем так, причинам, отказ от участия в выборах является символическим жестом, противопоставленным символическому жесту самого голосования.

Именно потому, что само действие очень простое, пространство, в котором оно совершается, нагружено многими символами, призванными продемонстрировать большое значение маленькой галочки. Способ организации этих символов и их прочтение участниками процесса не универсальны и зависят от многих параметров. В данном случае я рассматривала только материалы по одному избирательному участку, который, хотя и является во многом типичным для России, все-таки не позволяет делать общих выводов.

Пространство УИК, где я работала, является примером жестко организованного дисциплинарного поля с ярко выраженными знаками присутствия власти. Хотя цель членов избирательной комиссии заключается в том, чтобы обеспечить процедуру голосования, устройство участка превращает их в представителей властной институции, молча контролирующей акт выбора. Поскольку, как я попыталась показать выше, центральной частью ритуала для избирателей становится именно момент опускания бюллетеня в урну, символика этого жеста воспринимается сквозь призму отношения к власти. Человек, пришедший на избирательный участок, попадает в центр строго охраняемого поля, и его галочка превращается в голос под неусыпными взорами со всех концов паноптикона.

Избирательный участок всегда является местом непосредственного столкновения человека с государством. В данном случае это место средоточия практик дисциплинарного контроля, и те, для кого подобные практики прочно ассоциируются с режимом тоталитарной власти, воспринимают и сам участок как ее непосредственное проявление.

Возвращаясь к первой части этой работы, я бы хотела добавить, что предложенный выше анализ не может заменить исследования различных типов взаимодействия в процессе голосования. Сами пространства выборов также могут сильно отличаться. Один из «виртуальных наблюдателей» за выборами, следивший за трансляцией происходящего через веб-камеры, установленные в этом году на всех пунктах для голосования,

описывает, например, довольно непривычную организацию участка:

№ 1620 — Фойе какого-то учреждения... Какое-то странное расположение Комиссии, в два ряда, спиной друг к другу, разделенные перегородкой, если я правильно понял... Да, я правильно понял... Под наблюдением только половина Комиссии... 5 столов... Другая половина, за перегородкой — вообще не видна... А подходят к столам именно туда... Прозрачная урна видна ясно... Недалеко страж порядка прекрасного пола... Наблюдатели сидят как раз с той, ненаблюдаемой стороны... 3 человека... [Волков 2012].

Устройство этого помещения напоминает варианты, описанные В. Вахштайном: кейс 1 («Голосование как священнодействие») и кейс 4 («Рефрейминг и голосование меньшинств») [Вахштайн 2011: 207–208; 214–218]. К сожалению, никаких дополнительных материалов о том, что происходило на УИК № 1620, у нас нет. Однако при всем возможном многообразии пространств выбора они всегда воспринимаются избирателями как символически нагруженные и связанные с ритуальным превращением галочки в голос. В то же время способ освоения этого пространства не задан исключительно его организацией, а одно и то же помещение может стать местом, где разыгрываются совершенно разные типы взаимодействия.

Библиография

- Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993.
- Байбурин А.К., Топорков А.Л.* У истоков этикета: Этнографические очерки. Л.: Наука, 1990.
- Вахштайн В.* Социология повседневности и теория фреймов. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2011. (Прагматический поворот. Вып. 4).
- Волков Э.* Сибирский ф.о.: Наблюдаю онлайн выборы... // Liveinternet.ru. Блог. 2012. 4 марта <<http://www.liveinternet.ru/users/2503040/post209475120/>>.
- Гофман И.* Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта. М.: Ин-т социологии РАН, 2004.
- Давидович Я.И., Малышев М.О.* Тайное голосование в истории советского избирательного права // Советское государство и право. 1958. № 10. С. 113–117.
- Доброскорова Ю.* Вчерашнее // Livejournal. Блог. 2012. 5 марта <<http://belka-177.livejournal.com/121448.html>>.
- Ефремова Н.Н.* Становление избирательного права в России // Государство и право. 1998. № 3. С. 111–118.

- Иванченко А.В.* Избирательные комиссии в Российской Федерации: история, теория, практика. М.: Весь Мир, 1996.
- Институт выборов в истории России: Источники, свидетельства современников. Взгляды исследователей XIX — начала XX вв. / Авт.-сост. Ю.А. Веденеев, И.В. Зайцев, В.В. Луговой; под общ. ред. А.А. Вешнякова. М.: Норма, 2001.
- Кормина Ж.В.* Религиозность русской провинции: к вопросу о функции сельских святынь // Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии / Науч. ред. Ж.В. Кормина, А.А. Панченко, С.А. Штырков. СПб: Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2006. С. 130—150.
- Макарецев А.А.* Развитие институтов прямой демократии в СССР в 1935—1937 гг. (на материалах сельских районов Западно-Сибирского края): Дис. ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 2006.
- Навроцкий В.* Сведения о мире // Livejournal. Блог. 2012. 24 июня <<http://nvm.livejournal.com/738970.html#t6549146>>.
- Тэрнер В.* Символ и ритуал. М.: Наука, 1983.
- Широков Д.* Наблюдение за выборами. УИК № 1578, Мытищи // Livejournal. Блог. 2012. 11 марта <<http://cbep4ok.livejournal.com/140650.html>>.
- Anderson L.* Analytic Autoethnography // Journal of Contemporary Ethnography. 2006. Vol. 35. No. 4. P. 373—395.
- Arzheimer K., Evans J. (eds.).* Electoral Behaviour. Los Angeles; L.: Sage, 2008.
- Bell C.M.* Ritual: Perspectives and Dimensions. N.Y.: Oxford University Press, 1997.
- Coles K.A.* The Construction of Democracy through Technique // Cultural Anthropology. 2004. Vol. 19. No. 4. P. 551—580.
- Eurekanext.* Отчет члена Участковой избирательной комиссии № 501 с правом совещательного голоса Владимира Александровича Львовского о работе на «выборах» 4 марта 2012 года // Livejournal. Блог. 2012. 8 марта <<http://eurekanext.livejournal.com/88536.html>>.
- Fitzpatrick Sh.* Every-day Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. N.Y.: Oxford University Press, 1999.
- Igor_mrz.* Отчет о наблюдении на выборах 4 марта // Livejournal. Блог. 2012. 5 марта <<http://igor-mrz.livejournal.com/1606.html>>.
- Kikln.* У нас еще в запасе 14 минут... // Livejournal. Блог. 2012. 3 марта <<http://kikln.livejournal.com/19775.html>>.
- Kormina J.* Pilgrims, Priests, and Local Religion in Contemporary Russia: Contested Religious Discourses // Studies in Folklore and Popular Religion (Tartu). 2005. Vol. 28. P. 25—40.
- McArieв.* Честный Выбор, или Как я был членом избирательной комиссии // Livejournal. Блог. 2012. 11 марта <<http://mcariev.livejournal.com/1194.html>>.
- Paley J.* Toward an Anthropology of Democracy // The Annual Review of Anthropology. 2002. Vol. 31. P. 469—496.

Shagirt. Мы стали более лучше фальсифицировать Выборы // Livejournal. Блог. 2012. 5 марта <<http://shagirt.livejournal.com/18405.html>>.

Yin_phoenix. Работа 4 марта в УИК 1434 в Москве // Livejournal. Блог. 2012. 11 марта <<http://yin-phoenix.livejournal.com/128980.html>>.